

К с (чуб)
А 36
8380-к.

СОВРЕМЕННИК

Юрий Айдаш

КРУГ
ЖИЗНИ

НОВИНКИ • СОВРЕМЕННИКА

Национальная библиотека ЧР

k-008380

КА ВОЗВРАТА

м. 8380-а

с(чув)
К АЗБ

Юрий Айдаш

Круг жизни

Стихи

Перевод с чувашского
Василия Казанцева

Москва • 1977

С(Чув)
А36

ПРОВЕРЕНО
23 10

М 8380-кр

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. ГОРЬКОГО

Айдаш Ю. Г.

А36 Круг жизни. Стихи. Пер. с чувашско-
го В. Казанцева. М., «Современник», 1977.
77 с. (Новинки «Современника»).

Стихи Юрия Айдаша привлекают своей глубокой и
светлой любовью к отчому краю. Лирика, философские
размышления, детские воспоминания о военных годах
отмечены душевной теплотой и искренностью чувств.

А $\frac{70403-009}{M106(03)-77}$ 195-77

С(Чув)

К родине

Как путник в тишине усталой пред закатом
Оглядывает свой преодоленный путь,
Так мысленно тебя окидываю взглядом,
Душой своей хочу к груди твоей прильнуть.

И вижу я холмов извечных цепенье,
И пестрые луга, и белые овсы.
И тихих, кротких рек безмолвное течение,
Как бы стесняющихся собственной красы.

Душа купается в ласкающих созвучьях —
То песня древняя летит над головой.
Зеленая страна! О сколько слов невучих
Под этою живет бессмертной синевой!

И кажется милей мне этот путь просторный,
Душистая пыльца над хлебною волной.
Передо мной — друзья, их добрый труд упорный.
Родимая земля — лежит передо мной.

Твою ли доброту, мой край, я позабуду?
Меня ли проклянет тень прадедов моих?
Тобой, единственным, навеки счастлив буду,
Мой самый первый вздох,
Мой лучший самый стих.

Неугасший дым

Коль погубят род несвзгоды,
Говорят, что дым угас.
Посему лихие годы
Вспоминаю каждый раз.

В те лета, когда росли мы,
Были песни слез полны.
Жизнь кромсал неумолимый,
Кровожадный меч войны.

Горький час поры жестокой,
Незаживший в сердце след...
В доме — пусто, одиноко.
Даже старой кошки нет.

Оставлять ли хлеб для кошки,
Если голоден я сам?
Если сам я — хлеба крошки
Не видал по целым дням?

Мать проводит дни в работе.
Ночью — слезы льет о нас.
Сокрушается в заботе,
Как бы дым наш не угас.

И была тому причина:
Мой отец в лихом бою
За покой земли, за сына
Голову сложил свою...

В доме сничек даже нету.
Неуютно на душе.
Ничего — пойду к соседу,
Он мне даст углей в ковше.

И когда тот жар струистый
Вспыхнет пламенем густым,
Закурчавится, искристый,
И над нашей крышей — дым.

Неподатлив и упорен,
Не увял тот дым живой.
У него—единый корень
Был с родимою землей.

Час настал — пришла победа...
Сам я нынче стал отцом.
У сынишки — нету деда.
Но остался —
Дедов дом.

И, горящий новым светом,
В нерушимом доме этом —
Жив очаг наш! И над ним
Золотистый вьется — дым.

Тем дням далеким, горьким — нет забвенья...
 На косогоре, в редком сосняке,
 Где раньше шли солдатские ученья,
 Мы ищем пули в глинистом песке.

Придем домой и пули в кружку кинем.
 Поставим кружку на огонь крутой.
 И скоро выльется — с оттенком синим —
 Росисто-белый, мягкий блеск густой.

В красавиц юных и лягушки даже
 Преображались в сказках, говорят.
 Так завораживал и взоры наши
 Сверкающий, холодный
 Смерти взгляд.

И снова пули на холмах искали.
 Мы знали их на запах и на вид.
 Но, даже пробуя на зуб, не знали,
 Как тот свинец блестящий —
 Ядовит.

Года летят.
 Взрослея — и старея —
 Глядим подолгу в дымку давних дней.
 И видится нам прошлое — яснее.
 И сердца боль становится — острее.

Пришел конец страданиям народным,
И мира песнь летит в просторы дня...
Но по холмам пустынным и холодным
Все ходит детство, голову склоня.

О ты, пора далекая,
Тяжелая беда...
Коснулось зло жестокое
И нас, детей, тогда.

Нас матери качали
Во тьме ночей глухих.
И горький звук печали
Струился в песнях их.

И где, в какой сторонке,
Среди каких холмов
Звучал их голос звонкий
И свет веселых слов?

Среди огня и дыма
Вставал наш день, суров.
Самой землей хранимы,
Росли мы — без отцов.

Даль, кровью обогрелая...
Тревожным, грозным днем
«Вставай, страна огромная...» —
Трехлетние, поем.

Порою той метельной,
Пряма, тверда, смела,
Та песня — колыбельной
Нам песнею была.

Горящими словами
Вдохнула в сердце — тот
Неугасимый пламень,
Что в Родине
Живет.

Ночь опустилась густая,
Звездною пылью пыля.
Звуки рассеялись, тая.
Лишь не остыла земля.

Свежесть росистого луга.
Резкий собачий лай...
Сонно вздохнула округа,
Тихий ветловый край.

Девушек белая стайка
Видится в мраке ночном...
Грустно бренчит балалайка.
Девушки — плачут тайком.

Вурнарские ¹ вишни

Наступила пора —
Воздух чистый, сквозной —
Закурчавилась вишня
Туманностью белой.
Задевая лицо
Розоватой волной,
Холодящая, легкая, —
Душу
Задела.

Нет,
Я здесь не бродил
В хмеле майских ночей.
По весне не встречал
Черноокой, желанной.
Но, призывно светясь,
Точно Путь Лебедей²,
Все зовет и зовет
Тротуар деревянный.

Я иду по нему.
Шаг на досках упруг.
На вокзале кончается
Путь мой неблизкий.

¹ В у р н а р ы — станция ж. д. на линии Москва — Казань,
райцентр Чувашской АССР.

² П у т ь Л е б е д е й — Млечный Путь.

Белый дом.
И цветущая пена вокруг.
Рядом поезд зеленый
Проносится с визгом.

Словно старая лента,
Тот поезд летит.
И — мелькая —
Картина картину сменяет.
Вот — слеза на щеке
У солдатки блестит.
Вот — ребенка солдат
На руках поднимает.
И ребенок тот — я...

Десять лет, торопясь,
Протекли. Выходил
К поездам по весне я.
Мать — яиц или масла
Положит в чиряс¹.
Я иду
Торговать,
От смущенья краснея.

Получился торговец плохой
Из меня.
Но лишь только услышу,
Как ветром широким
Распаленный состав
Налетает, звеня,—
Опахнет ожиданьем
И детством
Далеким.

¹ Чиряс — маленькая кадка, выдолбленная из дерева.

Я — отсюда
Свой жизненный путь
Начинал.
Уезжал,
Под биенье колесного гуда,
На учебу, на службу...
На Север, Урал...
Я знакомиться с Родиной
Начал —
Отсюда.

Наступила пора —
Воздух чистый, сквозной —
Закурчавилась вишня
Туманностью белой.
Задевая лицо
Розоватой волной,
Холодящая, легкая, —
Душу
Задела.

По сторонам дороги узкой,
Шумя, деревья встали в ряд.
Их посадил приезжий русский.
Был комиссар он, говорят.

То правда или нет — не знаю,
Но по земле идет молва...
Неверящих — не уверяю.
Для верящих — мои слова.

...Пришел в село отряд когда-то.
Чуваши, татарин, русский, чех...
Простые, славные ребята.
Село доныне помнит всех.

Они пришли, как свежий ветер,
Как отголосок дальних гроз...
Однажды в волость на рассвете
Отряд — кулацкий хлеб повез.

Дубы вокруг молчали важно,
Кидая на дорогу взгляд.
И пели семеро отважных
О том, как умирал солдат.

Будила песня край пустынный.
Но вдруг — умолкла... Из кустов

Трусливо выстрелила в спину
Той песне — банда кулаков.

Печально охнули деревья
Под гулким эхом громовым.
И воздух задрожал во гневе!
Не петь уж больше
Шестерым...

Из семерых — последний дышит.
Один он — видит белый свет.
Один он — голос жизни слышит.
Один он — в силах дать ответ.

Врачами к жизни возвращенный,
Едва успел набраться сил,
Приехал — памятник зеленый
Друзьям в деревне посадил.

Шесть тополей светловоршинных,
Шесть голосов родной земли,
Как шесть бойцов неустрашимых,
Над главной улицей
Взошли.

Питаясь силою земною,
Они решительно взялись
И шелестящею листвою
Свободно к солнцу вознеслись!

Но в час, когда суровый запад
Вдали кроваво запылал
И долетевший гари запах
На сердце темной тенью пал,—

Тех шестерых из продотряда,
Как будто снова враг сразил;
На белый снег упали рядом
Под острыми зубцами пил.

Судьбой назначенные к бою,
Они в тяжелый час земли
Своею гибелью второю
Детей от гибели спасли.

Пришла и в то село Победа.
Сельчане шумно торжество
Свое отпраздновали. Это
Не удивило никого.

Одно в ту пору удивило:
Из старых пней в крутую высь
Зеленой брызжущей силой
Побеги тонкие
Взвились.

Смотрю на распластанный водный
Простор величавый. У ног
Он гладью широкой, свободной,
Победно сверкающей лег.

Пред ним — что желанья людские?
Что жизнь и что слава — пред ним?
Размеренно дышит стихия.
Прозрачный колыхается дым.

Вода в терпеливом движенье
Бесшумною плещет волной...
Вдруг — Сеспель, из света и тени,
Возник как живой предо мной.

На нем сапоги, гимнастерка.
Внакидку — шинель на плечах.
И смотрит в пространство он зорко, —
Суровая дума в глазах.

Вот, жаркий, вздохнувши глубоко,
Он грудью подался вперед —
Как будто над гладью широкой
Он хочет пуститься в полет.

¹ Михаил Сеспель (1899—1922) — чувашский поэт-революционер, классик чувашской советской поэзии.

И Волга широкая — тоже,
Как будто в глазах его свет
Увидела, с собственным схожий,
Всей глубию вздохнула
В ответ.

И волны, легки, светлолицы,
Воздушным рывком — в высоту
Взлетели, как будто жар-птицы,
Огнем полыхнув на лету.

И мокрые камни блестели.
И ветры свистели вдали.
И гордые звуки летели
Над ширью воды и земли.

Я встретился взглядом с поэтом...
Глаза его — жарко-стальным,
Текучим туманились светом.
Гроза пролетала по ним!

Над Волгой шумящей, бурливой,
Под синью широкой, родной —
Стоял он, могучий, счастливый,
Со мной. Высоко надо мной!

Сотый
цветок
Баллада

Не первый я, кто про него рассказ
В стихах ведет, судьбой его задетый.
О человеке том еще не раз
Поведают грядущие поэты.

Он жил — землей... В полях, в глуши лесной,
И в сентябре притихшем, и в апреле,
Искал цветы он. И ни дождь, ни зной
Остановить в пути его не смели.

Пестреет луг, цветы пылью дымят.
Кружится ветер, свежий и свободный...
И вот — в него нацелен автомат.
В лицо глядит зрачок стальной, холодный.

Он медленно бредет... Родимый край
В глазах всплывает: у калитки мама,
А на деревьях гнезда, птичий грай...
Он, пленник, ищет травы для бальзама.

О край родной! Тебя покрыла тьма.
Ты весь в крови сейчас, о край мой милый!
Леса в пожарах, танки мнут дома.
Людей бросают заживо в могилы.

И здесь не лучше. Если чистый сок
Корням цветка не даст земля живая,
Погибнет он, печален, одинок,
Сгибаясь, сиротливо увядая.

И, может, сам погибнет он, упав...
Тоска, не утихая, сердце гложет.
Нашел он девяносто девять трав.
Найти никак он сотую не может.

— Ищи же сотую, проклятый пес!—
Навис над ухом крик неумолимый.
И человек негромко произнес:
— Она растет — лишь на земле родимой!

Залп прогремел.
И человек упал.
И отозвался громом бор соседний.
Бессмертья миг. Он был кроваво-ал.
Как тот цветок,
Ненайденный,
Последний.

На землю детства, к тропкам прежним
 Пришел я, полон новых сил.
 И на пригорке дерном свежим
 Могилы старые покрыл.

И неба вешний, синий холод
 Мне душу знобко всколыхнул.
 Под этим небом был я молод.
 В рассветных зарослях тонул.

В глаза родных и лица встречающих
 Стараюсь глубже заглянуть.
 Мне открывается сердечно
 Земли таинственная суть.

Пусть легкий вздох ее мгновенный,
 Ответный взгляд ее могил
 В моей груди цветком нетленным
 Растет и набирает сил...

Пусть этот белый ствол высокий,
 И эти темные кресты
 Мне глубже высветят истоки
 Надежды, братства, доброты.

Пусть...
 Если мы жестоки будем
 И в горестный, постыдный час
 Мы о земле родной забудем,

Пусть проклянут
Могилы нас!

...Слиянье радости и боли.
В текучем блеске колея...
О Родина, ты — это поле.
И этот день,
И лес,
И я.

Березы белой ствол ручьиный.
Скращенье судеб и дорог...
Весенний свод, твой холод чистый
Воздушен, гулок и высок!

Лошадиная сила

В мире сложено немало
Славных песен о коне.
Сколько, громких, прозвучало
Их — и в нашей стороне!

Средь снегов, в пыли дорожной,
Средь полей, в глуши лесов —
Верный конь, как друг надежный,
Понимает все без слов.

Сколько раз в кипенье боя,
И догадлив, и удал,
Обожженного героя
Он от гибели спасал?

Был всегда в судьбе народной —
И в труде,
И на войне.
И в воде тонул холодной.
И в крутом горел огне...

Вороной, или муругий,
Иль еще какая масть —
У него и впрямь заслуги,
Чтоб в бессмертные попасть.

В честь любви к нему старинной,
Что земной любви под стать,
Мощной «силой лошадиной»
Стали трактор величать.

Кто завязывал подпругу,
Кто держал поводья — тот
Нынче опытную руку
На штурвал его кладет.

Кто видал лишь на экране
Гривы шелк и блеск копыт,
В голубеющем тумане —
Над землей
Стрелой
Летит.

...Сквозь сверканье дней, событий,
Шелестящих лет огонь —
В день грядущий загляните.
Где он скачет,
Добрый конь?

Он поет в полях родимых,—
Будто льется звук трубы.
И встает — неудержимый,
Раскаленный — на дыбы.

Гриву ветер не развеивает,
Не горит во лбу звезда.
Дышит — сила огневая.
Гулко льется песнь труда.

Еще совсем темно.
В окне — деревьев пятна.
И дождь стучит в окно —
Лениво, благодатно.

И клен в окне — поник.
Глуха, тиха деревня.
И кажется — на миг
Остановилось
Время.

Глядишь ты в сад густой
Незрячими глазами.
И шепчешься с листвою
Беззвучными словами.

Ребенок и жена
Зовут. Как из тумана,
Из голубого сна
Откликнешься:
— Да, мама...

✓
Как еле слышной песни звук,
Протекший плавно в отдаленье,—
В своей груди расслышал вдруг
Я непонятное волненье.

Звук трепетал — сильней, сильней...
И вот — уже звенит как птица!
Лишь ради счастья новых дней,
Томясь, хотело сердце биться.

И все застыло в тишине.
И ничему — в душе упрёка.
Слова рождаются во мне! —
Светло, таинственно, глубоко.

И путь раздался впереди.
И льется солнце с небосклона.
И мощь я чувствую в груди!
Душа — как океан, бездонна!

Небо стынет над перелеском.
 Звезды талые в глубине.
 Звезды радуют сердце блеском
 И, счастливое, ранят мне.

Я стою под высокой ивой.
 Стекленеет полозьев след.
 И вокруг, и в душе счастливой —
 Белый снег
 И струистый свет.

Воздух свежей течет волною.
 И шуршит, холодок даря.
 И на путь, загаданный мною,
 Голубая
 Упала
 Заря.

Палые листья
Взялись чернотой.
Голые ветви
Повисли устало.
Берег зеленый,
Ты там, за чертой..
Там, за туманом,
Ты, юность,
Отстала.

Лучше мы песню
О море споем.
Пусть же наш голос
Над морем — взовьется.
Пусть же счастливо
Послышится в нем
Все, что единственно
Жизнью
Зовется,

Я бросил на воду весло,
И облегающей волною
Меня лениво понесло...
Поплыли думы надо мною.

Что совершил, что сделал ты?
И чем душа твоя согрета?
Быть может, все твои мечты
Гастают нынче до рассвета?

Взгляни же пристальней вокруг:
Прекрасноликая природа
Слила в одно — зеленый луг,
И лес, и звезды небосвода.

И этот лес, зеленый луг
И голубое поднебесье
Живут извечно в ней, как звук
С необходимым звуком — в песне.

Не это ль — высшей красоты
Прямая, верная примета?
И что дерзаешь сделать ты,
Чтоб связь бессмертной стала эта?

Чем эту землю одаришь,
Чтоб солнце радостней взглянуло?
Кто от тебя родится — мышь?
Иль Улоп?¹

¹ Улоп—легендарный богатырь из чувашской мифс

Средь сумрака лесного
Мелькает белки блик —
Ненайденное слово,
Невоплощенный миг.

И там, где паутина
Сквозит в листе сухой,
Красуется калина
Несозданной строфой.

Доверчивой породы,
По сердцу мне родной —
Старик чернобородый
Беседует со мной.

Настойчиво, упорно,
Уже который год
Судьбы тяжелый жернов
Все трет его и трет.

Дыханье мягкой речи.
Открытая душа.
Само простосердечье.
Характер чуваша.

Он нараспев читает
Заветное свое —
Он в сердце мне вонзает
Веселое копьё.

В душе непокоренной —
Созвучий торжество!
И, словно озаренный,
Смотрю я на него.

Витает мыслей стая,
Но светит в ясном дне
Та истина простая,
Что не давалась мне.

В волнении — к карминным
Кистям тяну ладонь...
Горька, горька калина,
Но чист ее огонь.

Девушки с комбината

Им, солнечным, дивлюсь при каждой встрече:
Храня в душе прохладный тихий сад,
И дом родной, и зыбь рассветной речки,
В начале дня
Спешат на комбинат.

Не чужд им торопливый шум станочный,
Весь день поющее веретено.
Но вдруг приснится соловей полночный.
И вешний день,
Что был давным-давно.

Несется конь по луговой равнине.
И стынут ветлы старые в ряду...
То зов села.
А я увидел ныне,
Что девушки — и с городом в ладу.

Пусть не цветут ромашки на асфальте,
И свежий лес шумит — в краю ином,
Но сколько здесь их, в добром, юном гвалте,
В высоком доме каменном одном!

И впрямь не надивлюсь — какие все же
Здесь солнечные девушки живут.
И, кстати, коммунизма знамя — тоже
Они из светлых нитей жизни
Ткут.

В мир не вернуться молодой.
Тропинкой давней — не идти.
Да и кукушка за рекой
Мне сократила дни, пути.

Во мне просторы той страны
Далеким отзвуком живут.
Но, в мягких шелестах весны,
Не я — другие там поют.

Пусть там играют и поют,
Впивают взглядом лунный свет
И мира чувствуют уют —
Им по семнадцать майских лет.

Всему на свете — свой черед.
Свои часы, свои года.
И сына пусть отец поймет.
Игра уйдет —
Придет страда.

Не потому ли дней моих
Осколки молний не слепят.
Прочнее, тверже лагу стих.
Смотрю суровой — на себя.

На мир зовущий, молодой
Гляжу, прищуря глаз чуток,

Чтоб четкий, ровный сердца бой
Расстроить он не слишком мог.

И все же хочется порой
Того, чему прошел черед...
Да и синица за рекой
О том же в зарослях поет.

Начало апреля,
утро

Полшестого. Поволокой
Над полями — дымки след.
С ночью темной и глубокой
Расстается белый свет.

Розовеют яблонь кроны.
Красный луч сквозит в окне.
Ах ты, гибкий, золоченый,
Ты уже скользишь — ко мне!

На хрустящий лед иглистый,
Беловатый и тугой —
Уж не жемчуг ли искристый? —
Я боюсь ступить ногой.

Стайка девушек смешливых
Ждет автобуса... Как снег —
Их рассыпчатый, счастливый,
Белозубо-звонкий смех!

Улетай в иные годы,
В неизвестные края,
Тень метельной непогоды!
Выше встань, мечта моя!

Стою безмолвно и внимаю сердцу.
 Оно — как мак, усыпанный росой.
 Слегка покачиваясь от ветра,
 Мак цедит сквозь себя все звуки, соки —
 Как будто в поисках
 Живой воды.

Неужто сердце гулкое не слышит,
 Как оседает тягостный осадок —
 Тень клеветы, холодная угроза,
 Коварное пожатие руки,
 Бесстыдно-вежливое попиранье
 По-детски беззащитного цветка?..

Нет, кажется, не слышит. Так ребенок,
 Разгорячась, играет и играет
 В своем, построенном мечтою, мире.
 Пусть дождь шумит, пусть налетает выюга,
 И гром гремит, широкий, гулкий, в небе —
 Ребенок забавляется, как прежде...

Но, сердце, наше детство — далеко.
 Оно давно — на том, а мы — на этом
 С тобою берегу. И все — другое
 Теперь вокруг. И мы с тобой другие.

И ты—трудись, и день и ночь трудись.
Отцеживай целебность дня живого.
Мне кровь
Суровой жизнью
Исцеляй.

Геннадию Айги

Я был — как дерево в саду.
Я пел в сиянье дня.
Засыньте, если упаду,
Сырой землей меня.

Она всегда — ручьем, травой
И радостью была.
Пусть зашумит над головой
Береза иль ветла...

Пусть надо мной снега блестят,
А в мае ветвь цветет.
И звезды желтые летят,
Когда придет черед.

И голубой поющий свод,
Прохладно-огневой,
Свое дыхание сверху льет,
Водой кропит живой.

Немой, не буду отвечать
Я ни на чей призыв.
И буду я спокойно спать,
Про все, про все
Забыв.

Затмился взгляд, замкнулся слух —
За гранью бытия.
И чем тревожился мой дух —
То понял плотью я.

Жара. Полдень

Сухую шишку, в дымке сна,
На землю сбросила сосна.

Лежит она в пыли примятой —
Неразорвавшейся гранатой.

Лишь птичка пискнула вослед.
И вновь — безмолвный, мертвый свет.

Жара — тяжелая, глухая.
Кора — колючая, сухая.

А небо молча с вышины
Следит за жарким сном сосны.

Но коль поглубже в мрак зеленый
Взглянуть, услышишь сердцем: кроны,

Как паруса, и там, и тут,
Живого дуновенья ждут.

Хоть буря б, что ли, зашумела,
И ветер взмыл остервенело,

И в свежем шуме вихревом
Загрохотал бы гулкий гром,

И сосен стройная армада,
В сиянии дождя и града,

Пошла бы в пляску, молода...
Как стало б весело тогда!

Не все бы, может, уцелели,
Но как бы радостно летели —

В лучах прохлады и тепла —
Их медно-звонкие тела!

Как пело б море огневое!..
Кто счастье мог найти в покое?

Вот — снова шишку, в дымке сна,
На землю сбросила сосна.

Жара — тяжелая, глухая.
Кора — колючая, сухая...

Август

Август — тихий, утомленный.
Август — детства сон отраднѣй.
Оторвался лист каленый,
Полетел к земле прохладной.

Август — луг с воспоминаньем
Отлечевшаго веселья.
С конским топотом и ржаньем,
Сникшей песней коростѣля.

Август — влажные туманы,
Колыханье паутины.
И — увядшіе поляны,
Безголосы и пустынны...

Бестревожен, тих. Но все же
Жизнь в безмолвном — не остыла.
Только лик померкшій — строже.
Только — сдержаннее
Сила.

Будто угли под золою,
Воля тлеет человечья...
С нестареющей землею —
Неожиданная встреча.

В этой дымке, в этой тайне,
Приглушенной и цветастой,
Что-то крикнуло прощай мне,
Что-то мне сказало —
Здравствуй.

Росой и терпкою тревогой
 Дохнула яблоня в саду.
 Петляет в сумраке дорога.
 Я по обочине иду.

Алеет улица, стихая
 В лучах прощального огня.
 То ль радость, огненно-живая,
 То ль грусти тень—томит меня?

Подходит час... И оробело,
 Своим волненьем смущена,
 Из-за плетня, как месяц белый,
 Выходит девушка одна.

Навстречу глянет—жарким, гулким
 Отзывом всколыхнется грудь.
 И ясно вдаль от переулка —
 Как свет — прележит жизни путь.

Первая встреча

Тебя призывал во сне я,
Но, встретясь с тобою днем,
Глаза опускал я, краснея.
Не мог говорить ни о чем.

А ты улыбалась смело,
Манила, мерцала ты.
Призывно, без слов глядела.
Так звезды глядят с высоты...

И — радостно, невесомо,
В объятьях прохладной тьмы,
Тропой незнакомо-знакомой,
Как будто по воздуху, мы—

Летели... Дышали травы.
Ты — рядом, во мгле голубой.
Как будто истину, славу
Я видел перед собой.

Слились с темнотою ивы.
Ни голоса — над землей.
Как нежный друг молчаливый —
Был ласковый мир ночной.

Внезапно в застывшем краю
Твое прозвенело имя.
То — травы устами своими
Шепнули тебе:
— Люблю!

Тебя — подобную лучу,
Тебя — черемухи белей,
Увидеть я тебя хочу!
Сейчас, сейчас — скорей, скорей!

На красоту взгляну твою —
Как будто жажду утолю.
Сияньем душу опалю.
Беззвучно песню запою.

К тебе, одной тебе стремлюсь.
Путей окольных — в мире нет.
Но если... если обманусь,
Останься в памяти — как свет.

Ветер к ветке прикасался,
И внимание свое
Молча высказать старался,
И стеснялся чуть ее;

Неумело и несмело
Колыхал, боясь дохнуть,
Чтоб росы — искристой, белой —
С чутких листьев не стряхнуть;

И не понял, что за сила —
То ли счастье, то ль судьба? —
Их внезапно озарила,
Опрометчиво-слепа;

И ни с кем не поделиться
Этой тайной огневой.
...Вот бы так и мне влюбиться
В благодарный взгляд родной...

Ты спокойна

Ты спокойна: сиянье лета
В молчаливых твоих глазах.
В них — искринка внешнего света,
Зеленеющей ветви взмах.

Ты спокойна. Как в чистой рани
Вызревает начало дня,
Так и ты молодым дыханьем
Тихо-тихо входишь в меня.

Ты спокойна. В согласье ровном—
Трепет мысли и крови ток.
На меня ты посмотришь — словно
Летней ночи дохнет холодок.

Мне не надобен мир чудесный.
Край заморский не сводит с ума.
Ты звенишь мне беззвучной песней.
Ты — глубинная жизнь сама.

Эта улица, и ворота,
И над аркой ворот — звезда...
Вот печаль моя и забота.
Боль бессонная — навсегда.

Пролетают часы и годы,
Тень тревоги, случайный страх...
Ты спокойна: сила природы
В молчаливых твоих глазах.

Вечер

Солнце погасло. И тени слились воедино.
Сделались тьмой — и ветла, и речная вода.
Ясно слышался дальний раскат соловьиный.
Это — сегодня лишь так? Иль — от века, всегда?

Зорко впиваюсь во тьму ожидающим взглядом —
Будто волшебника ясно увижу вот-вот.
Тицетно! Волшебник, безмолвный, веселый, ты рядом.
Только мне что-то увидеть тебя не дает.

Ты — засветил над землей родниковые звезды.
Ты — за клубил тонкорунный туман над рекой.
Дальний костер сквозь густой, холодеющий воздух
Светит беззвучно — и тихий сулит мне покой.

Тишь. И все глубже — мерцающий, непостижимый
Путь в вышине, что белеется, звездно пыля.
Мысль полетела, запела... Волшебник незримый,
Знаешь ли сам, как прекрасна и высь и земля?

Ты говорила: «Мой малыш...»
 Тепло, как мать, меня лаская.
 Ты до сих пор в глазах стоишь,
 Понятно-близкая, родная.

Разлуке нашей минул год.
 «А ты — все тот же...» — мне сказала.
 И понял я, что жизнь — течет.
 Другим, другим все нынче стало...

Непонятен природы прав.
 Лишь вчера все мглилось вокруг.
 Нынче вышел—узоры трав
 Предо мной расстилает луг.

И дохнула теплом земля.
 Приласкалась к ступне моей.
 И на сердце, заметил я,
 Стало радостней и теплей.

Осень вешним горит огнем.
 Взгляд прощальный припомнил я —
 И зажглась на лице моем,
 Как заря, улыбка твоя.

Тот день был — снежный, белый, ясный!
В тот день, по-юношески смел,
Сквозь жизни шум однообразный
Нам голос счастья прозвенел!

Он был порхающим мгновеньем,
Кристалльно чист, прохладно-тал.
И нам нечаянным спасеньем
И жарким обещаеньем стал.

Кто знал, что синий свод смутится
И мглой покроются луга?
И, словно раненая птица,
Крича, замечется пурга?

...Природой вновь — высок и пышен —
Небесный купол возведен.
Но голос тот — уже не слышен.
И след поземкой замечен...

Истина всем видна.
Истина люто зрима.
Ты — несравнимо юна.
Стар я — неутаимо.

Наши столкнулись пути.
Вот ты почти и рядом.
Трудно мне взгляд отвести.
Трудно — встретиться взглядом.

В сторону смотришь мою.
«Тронут умом он, что ли?»
Нет. Я только — люблю.
Только люблю до боли.

Средь влажной темноты,
Средь лиственного дыма
Хожу — неутомимо,
Смотрю — неутолимо
На травы и кусты.

Я здесь, в лесу, как дома.
Для взгляда моего
Привычно все, знакомо.
Не знаю — одного:
То струи голубые
Внимают шуму ив?
Иль — ивы молодые
У струй берут мотив?

И сестры ли родные —
Луна среди ветвей,
Печаль в груди моей?

Скажи — и вправду речью меткой,
За добрый нрав, за нежность кос,
Поэт, красавицу соседку
Ты на бумагу перенес?

Пока достиг ты, восхищенный,
Конца поэмы — сколько раз
Встречался с отблеском зеленым
Ее бездонных, чистых глаз?

И сколько раз она смотрела
Своими чистыми — в твои,
Затихнувшие онемело,
Счастливой полные любви?

И сколько раз, подобно струнам,
Средь ночи слышимым едва,
Потом звенели в сердце юном
Ее походка, смех, слова?

Когда и где — в переплетенье
Каких негаданных дорог—
Ее нечаянное пенье
Тебя ударило как ток?..

Молчишь. Твоя — с тобою тайна.
Нарспи...¹ При имени одном —
Моя любимая печальна,
Береза плачет за окном.

¹ Нарспи — героиня одноименной поэмы К. В. Иванова.

Мать

В синь озера, в раскидистую зелень,
В снегов огнеподобных белизну—
Я был влюблен по-юношески в землю.
Я был в ее сияющем плену.

Как юноша влюбленный, образ милый—
Незамутненный—видел я везде:
В черемухе, что ветви наклонила,
В летящем белом облаке, в воде.

И время незаметное летело.
И все, казалось, сбудутся мечты.
И мысли были легкими, и тело.
И—шелестело пламя высоты.

В крови шумела буйная свобода,
Желало сердце яростно любить!..
Но мой порыв сердечная природа
Сумела мягко приостановить.

О как она бездонно поглядела
В мои глаза—сквозь вишен белый дым.
И поутих огонь души и тела
Под этим взглядом медленным, прямым.

Спокойным, мягким светом обнимая,
Смотрела тихо. Будто бы сказать
Хотела мне:
— Тебе я — мать
Родная.

Поздней я понял—
Точно,
Мать.

Сверкает трав широкий полукруг...
Под этой мягкой, свежей синевою,
Влюбленный в небо и волнистый луг,
Шагаю с непокрытой головою.

Иду в зарю, в зубчатые леса.
Пережидаю дождь под хвойным сводом.
И словно бы в синичьи голоса—
Вхожу в ручья серебряную воду.

Роняя тонкий, еле слышный крик,
Две ласточки мелькнули и пропали...
П—сон исчез!
О пробужденья миг!
То две руки на клавиши упали.

И радуя, и мучая меня,
Уже парят над белой пеной клавиш.
О песня сердца, полная огня!
Ты этот луг, и лес, и небо славишь!

Забыты зимы. Стужи далеко.
И далеко — до алого заката.

И белый ствол беззвучно и легко
Взлетает ввысь.
И мысль моя —
Крылата.

Не песчаное дно—
Взгляд сияет, сквозя...
Вы с природой — одно.
Разделить вас — нельзя.

То летучих ветвей
Мимолетный привет?
Иль — улыбки твоей
Долетающий свет?

И небесная высь,
И души глубина —
Обнялись и слились.
Цель — одна.
Даль — одна.

Шумный город не может уснуть,
Сбросить с плеч усталость свою.
Что-то давит, теснит мне грудь.
Оттого ль, что один стою?

Нет, стою не один, не один!
В нарастающей тишине
Из туманящихся глубин
Ты, далекая, светишь мне.

Вот — из вспугнутой темноты
(Шумный город, замри на миг!)
Легкой тенью подходишь ты.
Слабый шорох шагов возник.

Вот — черемухи аромат
Овевает лицо, пьяня.
Вот — из волглых ветвей глядят
Молодые глаза
В меня.

Тогда, среди майских ночей,
 Все в пенной черемухе было.
 И словно луна
 Средь ветвей —
 Лицо твое
 В сумраке
 Плыло.

Навстречу летела — не шла.
 Ты что-то при встрече
 Шептала.
 На месте вилась,
 Как юла.
 Устало
 К груди припадала.

По улицам сонным, пустым —
 Бездонно счастливым! —
 Водила.
 Рассветный
 Туманился дым —
 Как шепот застенчивый:
 «Милый...»

И етяг свой рассвет поднимал.
 И солнцем весь мир
 Озарялся.

...Тебя обнимал, обнимал —
Как будто навеки
Прощался.

Ты в пенных
Бродила садах.
Шептала
Слова молодые.
Ты пела
О дальних морях.
Поют там
Сегодня —
Другие.

*

Звездой падучей, блеском чистым
Среди весенней темноты
Сверкнула ты...
В краю лесистом
Остался я — исчезла ты.

Но словно песня, что однажды
Мелькнула вспышкой огня,
Ты неотступной тенью жажды
Везде преследуешь меня.

Мечтой, навеки сердцу милой,
Летишь сквозь солнечные дни...
Но что меня в пути забыла,
Себя ты в этом не вини.

Была звездой, поющим морем.
Не стала в белом блеске дня
Летящим счастьем, тяжким горем—
Звездой осталась для меня!

Пусть так. Пусть чисто и несмело,
Как прежде, тополь шелестит.
И пусть свободно — как летела —
В веках душа твоя летит.

Фата-моргана

Легли года и версты между нами.
Ты умерла, мне снится иногда.
Как путника, бредущего песками,
Обманывает близкая вода, —

Ты шепчешь мне: я здесь, иди сюда.
И машешь мне приветливо руками.
Приблизжусь — только ветренное пламя,
А ты опять исчезла без следа.

Все это знают: правда—солона.
Но, кроме правды, — вера нам дана!
Среди песка сыпучего, сухого,—

Как на родную, вечную звезду,
То падая, то подымаясь снова, —
Иду. И верю, что вот-вот дойду.

Дни пролетят, звеня.
Годы промчатся, тая.
Что же ты скажешь, родная,
Вспомнив
Меня?

Так. Ничего... Лишь с тоской,
Легкой, неясной, наклонишь
Голову. Мельком обронишь:
«Был когда-то такой».

Лишь невзначай вздохнешь.
Вспомнишь черемушник белый...
Молча слезу смахнешь:
Молодость — улетела.

Предстанет час последней муки.
И слезы, что прольют друзья
На холодеющие руки,—
Уже не оживят меня.

В груди угаснут жизни силы.
И потускнеет солнца свет.
Доволен буду тем, что было.
Мечтам людским—предела нет.

И все же, если в час прощальный,
В неотвратимый час крутой,
Раскрыв глаза в тоске печальной,
Тебя увижу пред собой,—

Родная, положи ладони
Мне на лицо—и улыбнись.
И вспомни: луг в сиянье тонет,
Весенней влагой дышит высь...

Ночной прохлады дуновенье,
Текучий отблеск на волне.
Заставь поверить на мгновенье,
Что это все — еще во мне!

И с языка сорвется слово—
Любви. И в радости живой,
Как образ счастья земного,
Ты в вечность
Перейдешь
Со мной.

Не знаю—краток путь мой или долог.
 Но знаю — на пути моем земном
 И снег сверкнет, и молнии осколок
 Блеснет, и солнце—в небе голубом.

И, покидая горы, реки, рощи,
 Скажу земле распластанной: «Земля,
 Я равным быть хотел с тобою в мощи.
 Прими меня и не суди меня».

Как за день устает душа —
 Пловец упорный, терпеливый!..
 А ветра гулкие призывы
 Гремят. И вновь она, спеша,
 Уйти стремится в волн разливы.

Но вот—изнемогла в борьбе.
 И, обессиленная, хочет
 Хоть миг спокойствия себе..
 Пусть море бурное грохочет.
 И чайка реющая — пусть
 Кричит и криком сеет грусть..
 Удел волны—волной качаться.
 Удел печальной чайки—мчаться
 Над беспокойною волной
 С печальной песнею одной.

Душа, душа... Она безмерна.
 Пред ней — что́, море, мощь твоя?
 В ее глуби неимоверной
 Мечта покоится, таясь.
 В ней солнца жар—и жар земли.
 И птицы утреннее пенье.
 И волн соленое кипенье.
 Так бей же, синий вал, бурли!

Прощай, прощай, о берег мой!
Душа, нам век не знать покоя.
Опять несутся волны, воя.
Возьмите — и меня с собой!
Пронзите — и меня насквозь!
И, может быть, в просторе этом
И я сверкну слепящим светом...
...О, если, если бы сбылось.

Содержание

К родине	3
Неугасший дым	4
«Тем дням далеким, горьким — нет забвенья...»	6
«О ты, пора далекая, тяжелая беда...»	8
1946	10
Вурнарские вишни	11
Тополя	14
Сеспель	17
Сотый цветок	19
«На землю детства, к тропкам преж- ним...»	21
Лошадиная сила	23
«Еще совсем темно...»	25
Мгновение	26
«Небо стынет над перелеском...» . . .	27
Сумерки	28
«Я бросил на воду весло...»	29
«Средь сумрака лесного...»	31
Девушки с комбината	33
«В мир не вернуться молодой...» . . .	34
Начало апреля, утро	36
«Стою безмолвно и внимаю сердцу...»	37
«Я был — как дерево в саду...» . . .	39
Жара. Полдень	41
Август	43
«Росой и терпкою тревогой дохнула яблоня в саду...»	45

Первая встреча	46
«Тебя — подобную лучу...»	48
«Ветер к ветке прикасался...»	49
Ты спокойна	50
Вечер	52
«Ты говорила: «Мой мальш...»	53
«Непонятен природы нрав...»	54
«Тот день был — снежный, белый, ясный!..»	55
«Истина всем видна...»	56
«Средь влажной темноты...»	57
«Скажи—и вправду речью меткой...»	58
Мать	60
«Сверкает трав широкий полукруг...»	62
«Не песчаное дно — взгляд сияет, сквозя...»	64
«Шумный город не может уснуть...»	65
«Тогда, среди майских ночей...»	66
«Звездой падучей, блеском чистым...»	68
Фата-моргана	69
«Дни пролетят, звеня...»	70
«Предстанет час последней муки...»	71
«Не знаю — краток путь мой или долог...»	73
«Как за день устает душа...»	74

Юрий Григорьевич Айдаш

КРУГ ЖИЗНИ

Стихи

Редактор А. Мелеткина

Художник О. Камаев

Художественный редактор В. Покусаев

Технический редактор Л. Дунаева

Корректоры А. Сморгкова, О. Голева

Сдано в набор 5/VII-1976 г. Подписано к печати 10/XI-1976 г. А12799. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 1,87. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3366. Цена 18 коп.

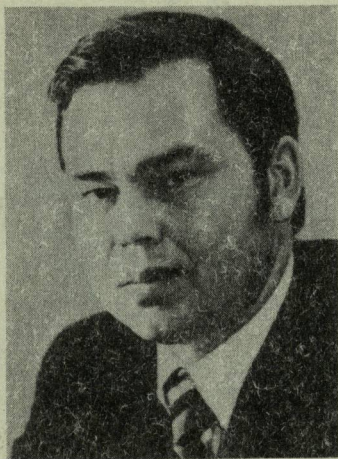
Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12
Рязанская областная типография

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ваши отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении — просим направлять по адресу:

*121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»*

Юрий Айдаш пишет стихи, прислушиваясь к голосу своего сердца. Перед нами предстает поэт со своим видением мира, со своими радостями и горестями, со своей любовью.

В душе поэта живы воспоминания о военных годах, о военном детстве. Жизнь — источник его чувств, его поэтических размышлений.

Глубоки и серьезные стихи Ю. Айдаша о природе. В них — и любовь к миру, и щемящая грусть, и бодрость духа, и вера в человека.